

Количество жилых домов с привидениями за три дня увеличилось с шести до шестнадцати. Шэнь Уцзю едва справлялась.

Днем она бегала по одним адресам, ночью — по другим, духовная сила истощилась и не восполнялась, а синева на левой руке ползла от запястья вверх по предплечью. В каждом доме она видела одно и то же: хлынувшая с запада энергия Инь увлекала за собой увядшие души и, словно мусор, заталкивала их в жилые дома.

Ей требовалась более мощная духовная сила. Ей требовалась добродетель Инь.

Великий полководец, усмиряющий север Сяо Ду только что вернулся в столицу из северных земель. Из трех его невест две скончались, и по всей империи поползли слухи, будто он губит жен. Окружающие считали его вестником бед — но когда Шэнь Уцзю услышала слова сильная энергия Инь, ее глаза загорелись. Живых людей бросает в пот и головокружение вовсе не от избытка энергии Инь — просто у человека накопилась такая колоссальная добродетель Инь, что сама энергия Инь притягивается к нему, образуя черную дымку. Обычные люди просто не выносят давления изливающегося вовне избытка добродетели Инь.

Она обладала Телом, Проводящим Инь, поэтому давление добродетели Инь на нее не действовало. Она видела лишь то, насколько высока эта гора.

На четвертую ночь ей уже не пришлось ждать.

Западный рынок. Полночь только миновала, и энергия Инь хлынула с запада, точно прилив. Вся улица взбудоражилась — ее Глаза Инь-Ян окинули окрестности: по меньшей мере три десятка увядших души плотной толпой бродили по улице. Ее запас духовной силы сейчас составлял менее тридцати процентов, а Цепь, Увлекающая Души, могла забрать от силы еще пять-шесть.

Когда она, тяжело дыша, присела на пороге лавки лекарств, направление потока энергии Инь изменилось.

Больше не с запада на восток — ее что-то затянуло. Вся энергия Инь устремилась в одну сторону.

На восток. Стук копыт.

Детектив конных воинов ворвался на Западный рынок, впереди всех на огромном скакуне восседал всадник в темных доспехах и черном плантаре, с плечами шириной со стену. В местах его проезда сухие листья закручивались под воздействием энергии Инь, а дикая трава у стен мгновенно увядала.

Его окутывал слой черной дымки. Густая, видимая невооруженным глазом энергия Инь

струилась вокруг его тела словно черная шелковая вуаль.

Идет вестник смерти! — выкрикнул кто-то, и толпа бросилась наутек еще быстрее, чем во время разгула духов.

Шэнь Уцзю не побежала.

Ее Глаза Инь-Ян вспыхнули в темноте.

Этот слой черной дымки был лишь поверхностной оболочкой. Под черной дымкой бушевало бескрайнее золотое сияние.

Добродетель Инь. За триста лет сбора душ все виденные ею крохи добродетели Инь в сумме не составили бы и доли процента от его запаса. Добродетель Инь судьи была подобна свече, добродетель Инь владыки преисподней — костру, а этот человек... напоминал гору, возведенную из чистейшего золотого сияния.

Она резко втянула воздух.

Больше двух десятков увядших душ неслись вслед за потоком энергии Инь прямо к нему, словно утопающие, ухватившиеся за обломок дерева. Кони личной стражи заволновались.

Шэнь Уцзю поднялась на ноги и двинулась вперед. Шла она небыстро, но уверенно. Энергия Инь захлестнула ее колени, талию, грудь — она не останавливалась.

— Кто идет?! Назад!

— Пропустите меня. Ваш полководец сегодня ночью далеко не уйдет.

Она обошла стражников сбоку и остановилась в трех шагах перед конем Сяо Ду.

Мужчина в седле опустил взгляд на нее. Высокие надбровные дуги, крепкие скулы, линия челюсти словно высечена ножом. Темно-карие глаза, лишённые всяких эмоций.

— Полководец. К тебе кое-что пристало. Я могу помочь.

Три удара сердца молчания.

— Прочь.

Клинок вылетел из ножен. Энергия Инь с грохотом взорвалась — бушующая, свирепая черная дымка хлынула во все стороны, и ближайшие двое стражников одновременно схватились за грудь.

Волна энергии Инь обрушилась на Шэнь Уцзю.

А затем... замерла.

Будто врезавшись в невидимую стену. Эта яростная энергия Инь, дойдя до преграды в трех чи от нее, внезапно тихо и беззвучно опала вниз. словно кипяток, столкнувшийся со льдом.

Рука Сяо Ду все еще застыла в рубящем жесте, но лицо его изменилось.

Не от ужаса. От растерянности.

Струна в голове, гудевшая три года, лорнула. Тупая боль в затылке, мучившая три года, исчезла. Серая пелена перед глазами рассеялась.

Три года. Он даже успел забыть, каково это — когда в голове не болит.

Он медленно опустил меч в ножны:

— Кто ты такая?

— Изгоняющая нечисть. Полководец, привязавшаяся к тебе энергия Инь никуда не исчезла, она просто утихла. Стоит мне уйти...

Она отступила на шаг. Утихшая черная дымка вновь начала медленно клубиться, и тупая боль мало-помалу возвращалась.

— Стоять.

Она отступила еще на шаг.

— Я не могу стоять. То, что на тебе, цепляется за меня. Каждый раз, когда я приближаюсь к тебе, я набираю еще немного энергии Инь.

Взгляд Сяо Ду изменился. Стал еще тяжелее, словно он что-то взвешивал.

— Сколько?

Шэнь Уцзю замерла на мгновение. Она никак не ожидала от него такого вопроса.

Она подняла левую руку и закатила рукав. Синева перекинулась за локоть, и в лунном свете кожа казалась покрытой тонким слоем льда.

Сяо Ду долго смотрел на эту руку.

— Как тебя зовут?

— Шэнь Уцзю.

Он повторил ее имя, словно впечатывая его в память. Затем развернул коня.

— В поместье.

Шэнь Уцзю стояла на прежнем месте, глядя, как отряд скрывается за поворотом улицы. Ее левая рука дрожала, кончики пальцев уже потеряли чувствительность.

Но она не удержалась и слегка приподняла уголки губ.

Он спросил сколько. Не что тебе нужно и не что ты можешь сделать. Он спросил, какую плату она уже внесла.

За триста лет она повидала немало высокопоставленных лиц. Никого не волнует, чем ты расплачиваешься — всех интересует лишь то, что ты можешь дать.

Этот человек оказался другим.

Возможно.

После ухода Сяо Ду Шэнь Уцзю занялась оставшимися увядшими душами.

К Цепи, Увлекающей Души, пристала крошечная частичка остаточной добродетели Инь Сяо Ду — за те несколько мгновений, что она провела рядом с ним, мизерное количество добродетели Инь перенеслось на цепь. Этого крошечного тепла не хватило бы для разрушения печати, но вполне хватило, чтобы поочередно собрать оставшихся увядших душ.

Когда с последней было покончено, небо уже начинало сереть. Сегодня за ночь удалось собрать ровно двадцать три штуки — больше, чем за все предыдущие ночи вместе взятые. И цена оказалась высока: синева на левой руке переползла через локоть и поднялась еще на добрых полдюйма, все предплечье оледенело, словно принадлежало не ей.

Она сидела на ступеньках Западного рынка, глядя на светлеющий край неба.

Добродетель Инь Сяо Ду была подобна горе. Ей требовался лишь крошечный уступ этой горы — чтобы занять его ради разрушения печати, чтобы использовать для вынесения приговоров. Но каждое мгновение рядом с ним она расплачивалась за это собственным телом.

Эта сделка — ее первоначальным капиталом была ее собственная жизнь.

Стоило ли оно того?

Шэнь Уцзю поднялась на ноги, отряхивая пыль с одежды.

Сперва надо вернуть долг, а уж потом рассуждать.

Она направилась в сторону заброшенного храма. Солнце поднималось над восточным горизонтом, лучи падали ей на спину, но от этого становилось лишь холоднее. Холод шел прямо изнутри костей.

Однако шаг ее не замедлился. Тот, кто запоминает имена, непременно придет снова.

<http://bllate.org/book/21207/2146498>